

Осмысление сущности права с позиции феноменологии

Н. Н. Равочкин

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Автор предпринимает попытку осмыслить сущность права с позиции феноменологической философской традиции. Отмечается, что сегодня для изучения сущности права имеется несколько философских позиций, однако выбор в пользу феноменологии осуществляется за счет ее возможностей по исследованию сущностного мира и получению знаний о всеобщем. Проводится обращения к истокам, т. е. гуссерлианской феноменологии, в которой определяется противоречие. Определяется, что изучение сущности права через феноменологию не позволяет свести его ни к физическим, ни к психологическим основаниям реальности. Само право полностью приобретает несубъективный характер. Также установлено, что через феноменологическое изучение права исследователь может найти основания для формирования как системы действий субъектов, так и системы правовой реальности.

Ключевые слова: право; феноменология; реальность; ценности; сознание; правовая реальность; субъект; социум; intersубъективность.

Law Essence Understanding from the Standpoint of Phenomenology

N. N. Ravochkin

Kemerovo State Agricultural Institute, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author makes an attempt to comprehend the essence of law from the standpoint of the phenomenological philosophical tradition. It is noted that today there are several philosophical positions for the study of the essence, however the choice in favor of phenomenology is realized due to its possibilities to study the essential world and to obtain knowledge of the universal. The author did make references to the sources, i.e. Husserlian phenomenology, in which a contradiction is determined. It is determined that the study of the essence of law through phenomenology does not allow reducing it to either the physical or the psychological grounds of reality. The law itself is completely non-objective. The author has also established that through the phenomenological study of law, it is possible to find the basis for the formation of both a system of actors' actions and a system of legal reality.

Keywords: law; phenomenology; reality; values; consciousness; legal reality; subject; socium; intersubjectivity.

Осмысление сущности права как социального явления уже давно вышло за проблемные границы исключительно юридической науки, составляя фундамент философии права. Трудность понимания права в «мейнстриме» научного дискурса заключается в двойственной структуре самой правовой реальности, т. е. реальности социальной и ее юридической регламентации. Так, М. В. Антонов считает, что сегодня возникает определенный кризис в соотношении социальных и юридических факторов, регламентирующих социальность как таковую. Право, по его мнению (и это мнение для нас вполне обоснованно и логично), представляет собой социальный инструмент, призванный создавать и поддерживать порядок в обществе. В связи с трансформационными процессами, присущими современному обществу, возникает противоречие, связанное с тем, что современные исследователи права стремятся проецировать «апробированные в старом праве методы и термины на формирующееся новое право. Согласование таких методов и терминов с движением социальной жизни обычно мало заботит догматически настроенного правоведа, если заботит вообще» [1, с. 143]. В результате это приводит к редукции проявления критического мышления в системе взглядов научных исследователей, влекущей за собой прекращение стремления формирования нового методологического аппарата для понимания сущности права как регулятора социальных отношений.

Обращение к работе М. И. Пантыкиной задает другую проблему, суть которой проявляется через «непонимание необходимости построения более широкой теории права, которая бы учитывала особенности всех правовых семей, а не только права государств

Вестфальской системы, а также включала бы в себя проявления надгосударственного и негосударственного права» [2, с. 151]. Более того, отсутствие новых четко выраженных позиций понимания сущности права приводит к тому, что в современных исследованиях невозможно в полной мере использовать и полученную на практике информацию, что создает дополнительные, в том числе и связанные с профессиональной деятельностью юристов, трудности. Вышесказанное свидетельствует, что сегодня актуализируется выработка некоторого аппарата для понимания сущности права.

На сегодня сложились несколько философских позиций, применение которых позволяет достаточно эффективно трактовать сущность правовых норм (например, мы отмечаем экспансию идей аналитической философии в область юриспруденции). Одной из таких мы считаем феноменологическую программу, на наш взгляд, перспективы ее применения в качестве методологии понимания правовой реальности связаны с тем, что в рамках такого подхода сущность права не может быть установлена с помощью разума. Исходным моментом феноменологии становится утверждение, согласно которому существуют содержания чисто идеального характера, данные нам в непосредственном созерцании. Под последним Э. Гуссерль понимал «феномен», суть которого он трактует как «единицу» сознания, которая в своей взаимосвязи с другими «единицами» сознания образует структуру сознания, а в динамике — поток сознания. В феноменах продолжают существовать жизненный мир и знание о нем, взятые в процессе операции эпохе (ἐποχή) в «скобки», уже не как сущее, а как его сущностная сторона, обретшая идеальную форму. В феноменологии

важно исследовать сущностный мир, получать знание всеобщего. Этот мир должен предстать перед исследователем очевидным и достоверным [3].

В гуссерлианской феноменологии возникает некоторое противоречие. С одной стороны, под феноменом понимается то, что нам непосредственно является. Именно это и детерминирует феноменологическую методологию как описание того, что непосредственно предоставлено внутреннему взору субъекта. С другой стороны, феномен — это то, что дано такому взору и противоположно эмпиричному. Именно поэтому Гуссерль ведет речь о «чистых» феноменах, в которых выражается сущностная сторона различных переживаний как компонентов сознания в совокупности с сущностной стороной суждений о «действительных», реально существующих вещах. Отсюда «чистый» феномен — это непосредственно данная сознанию целостность содержания интенциональных актов, обладающая своим неотделимым от сущности подвергшегося феноменологической редукции восприятия ноэватическим смыслом [5, с. 17–19].

В феноменологических представлениях Гуссерля принципиальным моментом является тезис об интенциональном *Cogito*, которое воспринимает мир в системе множества *cogitations* и, соответственно, предполагает определенный опыт восприятия мира, а также его структурирования в рамках самого сознания. Именно этот принцип ложится в основание феноменологического прочтения права как социального факта, представляющего в данной методологической программе феноменом социальной системы и правовой реальности. Отсюда делаем вполне логичный и справедливый вывод, что центральным методом в понимании и познании правовой реальности, с позиции феноменологической теории права, становится юридический опыт.

Принципиальным моментом здесь является следующий: если в рамках наблюдения за внешними предметами достаточным оказывается восприятие с помощью органов чувств, то «для изучения явлений духовного мира служит внутреннее наблюдение, самонаблюдение, состоящее в восприятии происходящего в собственной психике» [5, с. 111]. Наряду с наблюдениями за внешними проявлениями желаний, метод внутреннего наблюдения становится основанием изучения субъективного (психологического) мира человека.

Следует понимать, что в феноменологической концепции права его сущность отнюдь не сводится ни к физическим (т. е. натуралистическим), ни к психологическим основаниям реальности. Более того, А. Райнах в содержании правовой реальности стремится усмотреть ее сущность через стремление к идее (в платоновском видении) права, а также указывает на наличие в правовой реальности априорных оснований ее существования. Основное отличие правовых объектов от физических определяется им в зависимости от типа каузальности. Так, в отличие от физического, правовой феномен не может быть понят как самоданность априори [6, с. 121]. Он представляет собой следствие, причиной такого следствия является обещание. В работе Р. А. Юрьева прослеживается стремление воспроизведения логики рассуждений А. Райнаха: в частности, что «требование и обязательство логически предполагают необходимую отсылку к своему первичному источнику — обещанию» [6, с. 121]. С другой стороны, согласно Юрьеву, для Райнаха сфера априори является основанием, конституирующим любые эмпирические установления позитивного права: «Обещание необходимым образом лежит в основании требования

и обязательства» [6, с. 121]. Отсюда всеобщность выделяется как крайне существенное свойство правовой реальности. Всеобщность, как показывает Райнах, исходит из области кантовского понимания априоризма и позволяет исключить феноменально-эмпирическую характеристику юридической реальности, переводя ее в область универсального правила, регламентирующего все возможные ситуации и все возможные принципы и модели поведения.

Из всего отмеченного выше следует факт, что, через феноменологическое рассмотрение, право полностью приобретает несубъективный характер (Р. А. Юрьев). Таким образом, происходит десубъективация права как такового: оно не находится в конкретном отдельном субъекте, а становится свойством человеческого существа, принадлежа сознанию каждого отдельного субъекта и не замещая при этом ни самого субъекта, ни его сознания. Оно становится свойством так называемого трансцендентального субъекта. С позиции феноменологии как методологической установки, право внутренне регламентирует модели поведения субъекта благодаря тому, что «априорная сфера права указывает на субъекта (как адресанта, так и адресата обещания), но и его исчезновение внутри ситуации обещания приводит и к исчезновению мира права» [6, с. 122].

Такое понимание сущности правовой реальности в качестве несколько не внешней по отношению к воспринимающему ее человеку позволяет констатировать, что она воспринимается скорее как область долженствования человека и способ бытия человека. При этом такое долженствование определяется отнюдь не формальной необходимостью. Оно определяется аксиологической сферой, т. е. сферой значимостей,

которые вкладываются в область системы права. Таким образом, понимание правовой реальности в феноменологии репрезентируется нам как система социально закрепленных во множестве юридических феноменов ценностных предпочтений. В представлениях некоторых авторитетных исследователей сущности права указывается, что в рамках феноменологической программы невозможно дать ответ о сущности права как такового. Так, Н. Н. Алексеев указывает на невозможность определения сущности права, считая возможным лишь определить ценность правовой реальности. По его мнению, возможно лишь предложить структуру правовой реальности, которая включает в себя единство «носителя ценностей, самих предполагаемых и оберегаемых правопорядком ценностей и основных определений правовых явлений» [7, с. 108]. Под носителем ценностей понимаем некоторый субъект, обнаруживающий свое безразличное отношение к ценностям, воплощенным в системе определенного социального упорядочивания и закрепляемым юридически. Именно по этой причине реальный правопорядок становится возможным только благодаря существованию множества таких субъектов. Отсюда получается наш вывод о том, что правопорядок представляет собой результат деятельности такого субъекта — деятеля.

С другой стороны, феноменологическое прочтение содержания правопорядка сводит его к тому, что система ценностей становится основанием для формирования как системы действий субъектов, так и системы правовой реальности [8]. Будучи представителем русской религиозной философии, Н. Н. Алексеев стремится к выявлению, причем любым способом (на основании философского, религиозного,

нравственного, духовного и так далее опыта), истинных высших ценностей, которые должны, по его мнению, лечь в основание системы правовой реальности. При этом для него крайне важным оказывается создание таких условий, при которых духовный опыт познания делается соборным опытом, «считаясь с историческими условиями, построить на нем систему учреждений, которые отражали бы в себе истинное святое и ценное» [9].

Следует согласиться с тем, что, как показывает О. С. Коровина, «акты индивидуального признания не выражают условий существования и осуществления правовой нормы. Будучи выражением сферы должного, она существует только в актах коллективного признания» [5, с. 111]. Такая идея исходит из того, что сама социальная ткань формируется не хаотично, а на основании гуссерлевой идеи интерсубъективности. Отправная точка для феноменологического анализа интерсубъективности обнаруживается в своем общем предпонимании. Индивиды всегда исходят из того, что любое восприятие и опыт возможны в таком же смысле и для других субъектов. Люди предполагают общий для всех субъектов мир. Такое допущение одновременно является залогом для феноменологического рассмотрения, поскольку в таком случае другая персона больше не может восприниматься подобно предметной вещи. Напротив, каждый должен воспринимать другую персону как субъекта, соконституирующего совместный мир. Точно так же, как и социальная реальность в целом, в феноменологическом прочтении правовая реальность становится совместно сконструированной системой. Осознавая, как *Я* воспринимает и конституирует правовую реальность, *Cogito* сознает, что Другие как принципиально иное, как иные социальные

и правовые субъекты способны точно так же конституировать ту же самую правовую реальность, что влечет за собой систему взаимного соконструирования правовой реальности, влекущей за собой признание Других (любых социальных субъектов) в качестве столь же полноправных правовых субъектов, как и *Я* — *Cogito*. Отсюда следует, что правовая реальность становится областью совместного конструирования множества правовых субъектов, имеющих одинаковое значение для каждого из субъектов правовых отношений. При этом, сообщаясь с О. С. Коровиной, достаточно логичным способом мы объясняем тот факт, что юридический плюрализм является закономерным явлением по причине того, что имеет место многообразие ценностей и воплощающих их правопорядков [5, с. 112].

Из проведенного исследования следует заключение о том, что феноменологическая концепция правовой реальности сводит сущность права к системе правового опыта, который реализуется в системе восприятия конкретных правовых актов. Сама же система правовой реальности представляет собой реальность, основанную на ценностных предпочтениях конкретных социальных субъектов. Она находится не в системе нарративов или эмпирической реальности, но в так называемой трансцендентальной области субъектной реальности, формируя совокупность значимостей, которая формирует необходимые действия конкретного субъекта, основанные на системе различного рода значимостей.

Литература

1. Антонов М. В. О принципах научности и развитии правовой теории // Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / Под ред. В. Графского. М.: НОРМА, 2011. С. 143–154.

2. **Пантыкина М. И.** Феноменология права и интегративное правопонимание // *Общественные науки и современность*. 2014. № 3. С. 151—158.
3. **Husserl E.** Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. The Hague: M. Nijhoff, 1976. 476 S.
4. **Мокин Б. И.** Феноменология Эдмунда Гуссерля. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 40 с.
5. **Коровина О. С.** Особенности феноменологического метода познания права в современной отечественной юриспруденции // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. 2006. № 13 (68). С. 109—112.
6. **Юрьев Р. А.** Особенности денатурализации и депсихологизации оснований права в реалистической психологии А. Райнаха // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 14. С. 119—122.
7. **Петров А. В., Зырянов А. В.** Феноменологический подход в современных юридических исследованиях // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Право. 2017. Т. 17 № 2. С. 106—110.
8. **Архипов С. В.** Феноменологические мотивы концепции права Н. Н. Алексеева // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2013. № 160. С. 122—128.
9. **Алексеев Н. Н.** Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.

Поступила 19.02.2018

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. Antonov M. V. O printsipakh nauchnosti i razvitiia pravovoi teorii (On Principles of Scientifity and of Legal Theory Development), *Standarty nauchnosti i homo juridicus v svete filosofii prava*,

materialy pyatykh i shestykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akad. V. S. Nersesyantsa, Pod red. V. Grafskogo, M., NORMA, 2011, pp. 143—154.

2. Pantykina M. I. Fenomenologiya prava i integrativnoe pravoponimanie (Phenomenology of Right and Integrative Legal Consciousness), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2014, No. 3, pp. 151—158.

3. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. The Hague, M. Nijhoff, 1976, 476 S.

4. Mokin B. I. Fenomenologiya Edmunda Gusserlya (Phenomenology of Edmund Husserl), Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2002, 40 p.

5. Korovina O. S. Osobennosti fenomenologicheskogo metoda poznaniya prava v sovremennoi otechestvennoi yurisprudentsii (Peculiarities of Phenomenological Method of Cognition of Right on Modern Russian Jupisprudence), *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Pravo*, 2006, No. 13 (68), pp. 109—112.

6. Yur'ev R. A. Osobennosti denaturalizatsii i depsikhologizatsii osnovanii prava v realisticheskoi psikhologii A. Rainakha (The Features of Denaturalization and Depsychologisation of Law Foundations in the Realistic Phenomenology of A. Reinach), *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 14, pp. 119—122.

7. Petrov A. V., Zyryanov A. V. Fenomenologicheskii podkhod v sovremennykh yuridicheskikh issledovaniyakh (Phenomenological Approach in the Modern Legal Studies), *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Pravo*, 2017, T. 17 No. 2, pp. 106—110.

8. Arkhipov S. V. Fenomenologicheskie motivy kontseptsii prava N. N. Alekseeva (Phenomenological Motives of N. N. Alekseev's Concept of Law), *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2013, No. 160, pp. 122—128.

9. Alekseev N. N. Osnovy filosofii prava (Foundations of Philosophy of Right), SPb., Lan', 1999, 256 p.

Submitted 19.02.2018

Ravochkin Nikita N., candidate of philosophical sciences, associate professor of Humanities and Legal Disciplines Department, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru